

УДК 327

*Киреев А.А.
Kireev A.A.*

Подходы к изучению и проектированию пограничной политики: критический анализ и типологизация

**Approaches to the study and planning of border policy:
a critical analysis and typology**

В своей работе автор предлагает двухуровневую типологию подходов, используемых в настоящее время в изучении и проектировании пограничной политики. основополагающим критерием анализа и типологизации подходов является представление об онтологии границы и, соответственно, главной, центральной детерминанте пограничной политики. Наиболее перспективными средствами изучения и проектирования пограничной политики автор считает полицентрические подходы и, в особенности, системно-теоретический (метасистемный) подход, базирующийся на теории общества Н. Лумана.

Ключевые слова: граница, пограничная политика, методология, натуроцентризм, социоцентризм, индивидуоцентризм, полицентризм

In his work the author proposes a two-tier typology of the approaches currently used in the study and planning of border policy. The basic criterion for the analysis and typology of approaches is the ontological concept of a border and, accordingly, the main, central determinant of border policy. As the most promising means of study and planning of border policy the author considers polycentric approaches and, in particular, the systems-theoretical (metasystem) approach based on the Luhmann's theory of society.

Key words: border, border policy, methodology, nature-centrism, socio-centrism, individual-centrism, polycentrism.

На протяжении своей уже более чем вековой истории исследования границ (лимнология) переживали несколько периодов подъема. Важнейшие из них были вызваны двумя мировыми войнами и обвальная деколонизацией 1960-х гг. Последний из импульсов к развитию, энергия которого не исчерпана до сих пор, был получен исследованиями границ в начале 2000-х гг. Он стал результирующей наложения ряда процессов. Во-первых, под влиянием растущего глобального неравенства и, вместе с тем, транспортной и информационной связности, а также обострения социально-политических противоречий в исламском мире, произошла резкая интенсификация трансграничных потоков, прежде всего, миграционных. Во-вторых, после терактов 11 сентября 2001 г. и последовавшей за ними серии других подобных событий, во многих развитых странах существенно изменилось восприятие трансграничных процессов,

Публикация выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-50119

КИРЕЕВ Антон Александрович, к.полит.н., доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** antalkir@yandex.ru

в общественном и государственном дискурсах о которых на передний план вышли вопросы безопасности. В-третьих, рубеж 1990-х и 2000-х гг. ознаменовался разочарованием многих исследователей в весьма популярной до тех пор концепции «мира без границ» (“borderless world”) [32]. Падение интереса к этой концепции, а также снижение преувеличенных ожиданий от неолиберальной глобализации в целом были обусловлены не только охватившей западную цивилизацию волной антигегемонистической ребарьеризации, но и постепенным распространением исследований границ на незападные регионы мира, применительно к которым идея отмирания государств и наций явно обнаруживала свою неактуальность.

Одним из главных направлений исследований границ на их новейшем этапе стало изучение пограничной политики. Для многих стран, и в особенности глубоко вовлечённых в трансграничные отношения развитых государств, вопросы управления границей из административных и ведомственных перешли в разряд первостепенных общественных проблем, охватывающих комплекс противоречий как внутренней, так и международной политики. В этих условиях пограничная политика не могла не привлечь к себе пристального внимания учёных. С начала 2000-х гг. количество научных публикаций по данной проблематике заметно увеличилось. Однако, как это нередко бывает при выделении относительно нового предмета изучения, бурное развитие исследований пограничной политики характеризуется стихийностью, несистематичностью. Особенно ярко названные черты проявляются в методологии этого направления исследований. В зарубежной и отечественной научной литературе можно встретить упоминания о примерно двух десятках теоретических подходов, применяемых к изучению пограничной политики. При этом содержание заявляемых подходов очень часто остаётся не эксплицированным. Это ведёт к случайности и непоследовательности в выборе методологических средств, к невозможности специализации и координации их использования, и, в конечном счёте, к ошибкам в структурировании изучаемого предмета и непреодолимым трудностям при построении обобщений о нем.

Задачами данной работы являются уточнение номенклатуры и содержания теоретических подходов, применяемых в изучении и проектировании пограничной политики, их предварительная типологизация, а также определение наиболее перспективных для этого направления исследований методологических средств. Следует подчеркнуть, что целью статьи не является описание всех существующих на сегодня подходов к пограничной политике. Это связано не только с тем, что литература по данной теме чрезвычайно обширна и быстро обновляется. Дело также в том, что упоминаемые в публикациях подходы порой существуют только номинально, не обладая какой-либо обоснованной предметной и концептуальной спецификой. Кроме того, нередко за разными терминологическими обозначениями скрывается одно и то же, по сути, содержание. Поэтому в своей работе я попытаюсь выделить наиболее разработанные и востребованные теоретические (и одновременно, как правило, прикладные) подходы к пограничной политике, особенности которых могут быть прослежены достаточно чётко.

К настоящему времени создано уже несколько классификаций и типологий подходов, используемых в исследованиях границ, и в т.ч. в изучении пограничной политики [5; 19; 21; 25]. Их множественность и логическая несопоставимость сами по себе свидетельствуют о сложности поставленной проблемы. Развитие подходов к пограничной политике невозможно представить в виде однонаправленного линейного процесса. Это развитие скорее выглядит как ветвящаяся эволюция, при этом не

имеющая общей начальной точки, единого корня. Для описания сложной, многомерной дифференциации рассматриваемых подходов необходима многоуровневая типология, на разных уровнях которой должны быть использованы различные критерии деления.

Основополагающим критерием типологии, предлагаемой в данной работе, являются наиболее общие, онтологические, различия подходов, предполагаемый каждым из них центральный, ведущий фактор пограничной политики. В соответствии с этим критерием, все типологизируемые подходы можно разбить на четыре группы: натуроцентрические, социоцентрические, индивидоцентрические и полицентрические. В свою очередь, внутри этих групп подходы могут быть дифференцированы по изучаемому виду пограничной политики (предмету), выделяемым в ходе её исследования специфическим целям, субъектам, средствам и факторам, по характерным проблематике и понятиям.

Натуроцентрические подходы. Исторический приоритет в изучении пограничной политики принадлежит географам, представителям политической географии и географической лимологии, опиравшимся на натуроцентрическую онтологию. Натуроцентрическое мировоззрение сложилось под влиянием объективно-идеалистических учений (в особенности, их романтико-иррационалистической разновидности) и в своём развитии сохраняло тесную связь с идеологией консерватизма. Онтологической основой натуроцентрических подходов в науке выступает представление о том, что фундаментальной силой, бытийным ядром реальности и главным предметом познания является природа. Соответственно, натуроцентрические исследования границ и пограничной политики сосредоточены на их физико-географических детерминантах – орографических, гидрографических, ландшафтных и климатических.

Ранние географические исследования границ имели преимущественно описательный, эмпирико-прикладной характер (картографирование, классификация). Начало теоретическому изучению границ и связанной с ними политической проблематики было положено в самом конце XIX в. выходом в свет книги Ф. Ратцеля «Политическая география» [36]. Сложившийся в своих основных положениях к 1920-м гг. геополитический подход рассматривал границу, прежде всего, с точки зрения проблем обеспечения государственной безопасности. При этом государственная безопасность сводилась, в конечном счёте, к военной, достигаемой применением средств стратегии и дипломатии. Целью геополитической лимологии было определение наилучшей (самой безопасной, «естественной») границы для данного государства, исходя из физико-географических условий его существования. Пограничная политика, трактуемая как политика безопасности, по сути, оказывалась неотъемлемой частью внешней, экспансионистской или оборонительной, политики органов государственной власти [31, р. 32–33].

На протяжении длительной истории геополитического подхода его содержание не оставалось неизменным. В послевоенный период его развитие было связано с переходом доминирования от немецкой к англосаксонской геополитике, оказавшей воздействие на такие школы теории международных отношений как реализм и неореализм. Возникновение реализма и, особенно, неореализма сопровождалось постепенным включением в предмет геополитических исследований общественных факторов и, прежде всего, системных закономерностей в отношениях государств. Однако наиболее существенная трансформация геополитического подхода произошла в 1980-е гг., в связи с развитием социологии международных отношений и формированием социологического реализма, самым выдающимся воплощением которого стала т.н. Копенга-

генская школа¹ (Б. Бузан, О. Вевер). Результатом этих изменений явилось создание нового геополитического подхода, впитавшего некоторые идеи конструктивизма и постмодернизма и анализирующего пограничную политику с помощью широкой трактовки понятия «безопасность» [11; 15, р. 2–5; 17].

В широком определении «национальная безопасность»², помимо отражения военно-политических угроз, включает в себя защиту от целого спектра трансграничных экономических, социальных и культурных рисков (контрабанда, наркотрафик, торговля людьми, нелегальная миграция, пропаганда экстремизма, экологические бедствия и т.д.), с которыми государство может сталкиваться не только непосредственно, но и через международные организации, общество, отдельные его социальные группы и граждан. Таким образом, в сравнении с традиционным, в новом понимании безопасность государственной границы обладает значительно более сложным содержанием и охватывает отношения не только между государствами, но и между ними и иными, над- и субнациональными, субъектами, а также в среде самих негосударственных субъектов.

Важное место в новом геополитическом подходе занимает также понятие «секьюритизация». Под секьюритизацией понимается целенаправленное закрепление государством или негосударственными субъектами за каким-либо процессом или актором качества экзистенциальной угрозы [16, р. 70–76]. Использование данного понятия современной геополитикой свидетельствует о признании ею того, что проблемы безопасности не сводятся только к объективным процессам, но зачастую содержат значительную искусственную, сознательно конструируемую составляющую.

Новое понимание безопасности кардинально усложняет концептуальную структуру пограничной политики, существенно дифференцируя все её основные компоненты (цели, средства, субъекты), выделяя в ней объективное и субъективное измерения (сферы «твёрдой» и «мягкой» силы), международно-политический (наднациональный), внешнеполитический (национальный) и внутривнутриполитический (субнациональный) уровни. Тем не менее, новый геополитический подход к пограничной политике все же сохраняет парадигмальную, онтологическую преемственность с классической геополитикой. На это указывает как центральная роль в пограничной политике, отводимая этим подходом государству, так и его неизменное внимание к физико-географическим, территориальным условиям, как наиболее устойчивым, структурным факторам этой политики [6, с. 8–9; 13].

Геополитический подход, прежде всего, в его новой разновидности, оказывает самое непосредственное влияние на проектирование пограничной политики во многих странах мира. При этом наиболее прикладной характер геополитические исследования имеют в государствах с самым высоким уровнем международных амбиций и наиболее острыми пограничными проблемами. Характерным в этой связи является интенсивное развитие, особенно с 2000-х гг., Border Security Studies в США и погранологии в России [13; 22]. В русле нового геополитического подхода теория и, по-видимому, практика пограничной политики развиваются в последние годы в КНР [1, с. 94–114]. Следует подчеркнуть, что изучение и планирование пограничной политики в названных и ряде других держав является сегодня многодисциплинарным и базируется

¹ Она известна также под именем школы «мирных исследований».

² Широкою трактовку безопасности называют также «нетрадиционной» или «мягкой».

на использовании широкого круга методов – от математических до социологических и психологических. Однако новый геополитический подход (вместе с системным) остаётся тем методологическим ядром, которое интегрирует эту научно-практическую область.

По онтологическим основаниям к группе натуроцентрических подходов может быть отнесён также экополитический подход [5, с. 56]. Его формирование в исследованиях границ приходится на 1990-е гг., хотя основы этого подхода в географической и экологической науках были заложены, безусловно, значительно раньше. В фокусе данного подхода находится политика приграничного и трансграничного природопользования. Пожалуй, важнейшим объектом такой политики сегодня выступают трансграничные водные бассейны¹ [9], хотя она может распространяться также и на другие экологические системы (популяции флоры и фауны, месторождения топливных и минеральных ресурсов, природные ландшафты), пересекающие границы сопредельных государств. Само возникновение политики приграничного и трансграничного природопользования стало следствием осознания, с одной стороны, высокой зависимости человеческого сообщества от выходящих за их пространственные пределы природных структур и процессов, а с другой, необходимости рассмотрения и регулирования этих структур и процессов с точки зрения национальных интересов.

Таким образом, изучаемые экополитическим подходом факторы и субъекты пограничной политики сближают его с новым геополитическим подходом. Как и последний, экополитический подход уделяет много внимания задачам обеспечения безопасности, межгосударственным конфликтам и их разрешению с помощью силовых и дипломатических средств. Вместе с тем, существует немало исследований пограничной экологической политики, которые трактуют её с позиций либерального транснационализма (идеализма). В этом случае, объективная экологическая взаимозависимость государств интерпретируются как основа для развития их сотрудничества и интеграционных процессов, для формирования постепенно выходящих за рамки проблематики природопользования институтов регионального и глобального управления [14]. Однако влияние этой либеральной версии экополитического подхода на политическую практику остаётся пока сравнительно слабым.

Социоцентрические подходы. С 30-х гг. XX в. натуроцентрическое понимание границ стало наталкиваться на все возрастающую критику со стороны географов, стоящих на позициях социоцентризма [3, с. 49–50; 4, с. 302–304]. Социоцентрическое мировоззрение, укоренённое в классическом позитивизме и марксизме, и более поздних версиях этих философий, рано впитавшее идеи системного подхода, исходит из того, что общество – это самодостаточная реальность, не сводимая к природным факторам и закономерностям. Социоцентризм видит в границах, в т.ч. государственных, прежде всего, продукт общественных отношений, преодолевающих действие физико-географических детерминант. Если натуроцентрические подходы связаны с различными видами консервативной идеологии, то социоцентрические тяготеют в целом к либерализму и социализму.

Самым первым из социоцентрических подходов к пограничной политике явился функциональный, возникший ещё в 40-е гг. XX в. [10, с. 342–345; 11]. Важнейшую роль в его возникновении сыграла вторая мировая война, послевоенные усилия по поддержанию мира в Европе,

¹ Отсюда термин «гидрополитика».

и начавшийся под их воздействием процесс европейской интеграции¹. Именно политика трансграничной интеграции, движимая целями предотвращения военных конфликтов, а также ускорения внутреннего и общего (совместного) развития сопредельных государств стала основным предметом функционального подхода. Функционалисты видели объективную основу интеграции в складывающихся между различными обществами функциональных (экономических, социальных, технических) связях, расширение которых в итоге должно потребовать создания международных (трансграничных) институтов. Однажды возникнув, эти институты, в свою очередь, возьмут на себя управление сотрудничеством между странами, проводя политику последовательного устранения существующих на их границах барьеров.

С 1960-х гг. под влиянием прогресса европейской интеграции содержание функционального подхода неоднократно пересматривалось, и его положения, оставаясь в основе своей прежними, уточнялись и корректировались. В результате возникли такие более поздние разновидности этого подхода как неофункционализм и теория многоуровневого управления.

Рассматривая все ту же проблематику трансграничной интеграции, неофункционализм даёт иную, более широкую картину факторов этого процесса. Если классический функционализм подчёркивал значимость технологических связей между различными специализированными, отраслевыми институтами экономической и социальной сферы, то неофункционалисты указывают на более фундаментальную роль политических и культурно-исторических факторов [11; 12, с. 461–462]. Так, обращая внимание на культурный контекст интеграции, они признают, что её успехи в Европе стали возможны во многом благодаря исторически сложившейся общности ценностей – той предпосылке, которой недостаёт аналогичным процессам в других регионах мира. Однако ещё более важное место неофункционалисты отводят политической деятельности государственных и негосударственных субъектов, мотивированность и активность которых способны преодолеть объективные препятствия, стоящие на пути расширения трансграничного сотрудничества. С такой позицией связано противопоставление неофункционализмом регионостроительства, как политически проектируемой и направляемой формы интеграции², регионализации, как стихийному, неуправляемому процессу [8].

Неофункционалистский тезис о ведущей роли политики в интеграционных процессах в 1990-е гг. получил дальнейшее развитие в концепции многоуровневого управления [23; 35]. Эта концепция описывает сложный переговорный механизм регулирования трансграничного взаимодействия, состоящий, по крайней мере, из трёх относительно автономных системных уровней – наднационального, национального и субнационального (регионального). Связанные многообразными отношениями представительства интересов и распределения власти и ресурсов, субординации (иерархия) и координации (сеть), управленческие институты разных уровней и типов совместно участвуют в разработке и реализации трансграничной политики, которая характеризуется одновременно децентрализованностью и многовекторностью, и определённым стратегическим единством. Таким образом, данная концепция зна-

¹ Особая, более консервативная и государственно-центричная, версия функционального подхода сложилась в исследованиях границ стран неевропейского Запада [30, р. 27–29].

² Концепция регионостроительства, наряду с функциональными, включает и идеи умеренного конструктивизма.

чительно расширяет представления о спектре возможных субъектов и средств интеграции.

Концепция многоуровневого управления, с одной стороны, отражает результаты изучения практики решения политико-административных вопросов европейской интеграции, особенно в такой её ключевой форме как еврорегионы. С другой же стороны, она является нормативно-теоретической моделью, в соответствии с которой в настоящее время организуется и совершенствуется интеграционная политика не только в ЕС, но и во многих случаях за его пределами – в Северной Америке, Восточной Азии и на постсоветском пространстве.

К функциональному подходу к границам и пограничной политике по содержанию весьма близок транснациональный подход, что отчасти объясняется прямым влиянием первого на второй. Транснационализм ((нео)либеральный глобализм) имеет европейские корни, хотя его окончательное формирование на рубеже 1960-х – 1970-х гг. произошло уже в американской теории международных отношений [28; 29]. Как и для функционального подхода, для транснационализма пограничная политика интересна, в первую очередь, с точки зрения проблем интеграции, однако интеграции, рассматриваемой в гораздо большем, глобальном масштабе. Иными словами, транснациональный подход изучает пограничную политику в контексте такого предмета как глобальная политика, или глобальное управление. Вместе с тем, его особенность состоит не только в масштабе изучаемого предмета, но и в понимании его структуры. Если функционализм понимает наднациональную систему как перспективный продукт постепенной интеграции национальных государств, то транснационализм принимает глобальную общность за данность, за исходный уровень анализа. Другой отличительной чертой транснационализма является приоритет, отдаваемый им экономической сфере общества. Именно в объективных экономических факторах, в рыночном взаимодействии множества негосударственных субъектов, – от индивидуальных потребителей до ТНК, – транснационалисты видят главную движущую силу интеграционных процессов, процессов регионализации и глобализации, которые, в конечном счёте, должны охватить социальную, культурную и политическую сферы. В условиях глобализации цель национальных пограничных политик должна состоять в последовательном устранении искусственных препятствий свободному перетoku ресурсов и развитию мирового рынка, т.е. таможенных пошлин, тарифных и нетарифных ограничений, особых стандартов и норм, и прочих атрибутов государственного суверенитета. Активное содействие постепенному демонтажу государственных границ должны оказывать институты глобального управления, подобные ВТО и МВФ.

Оформление ещё одного из социоцентрических подходов – мирсистемного (неомарксистского) – произошло несколько позже, уже в 1970-е гг., в ходе критики либерального транснационализма [2; 18]. Следует, однако, отметить, что, несмотря на принципиальное и острое противоборство, эти два подхода содержат в себе и целый ряд общих для них положений. Как и транснационалисты, представители мирсистемного подхода связывают современные трансграничные процессы с действием, прежде всего, экономических факторов. Кроме того, они также рассматривают глобальный уровень общественных отношений как важнейший и аналитически исходный, а их национально-государственную дифференциацию как второстепенную, вторичную и, по сути, уходящую в прошлое. Наконец, мирсистемный подход признает реальность такого явления как глобальное управление. При этом данный подход скептически оценивает развивающийся потенциал сложившейся на сегодня капиталистической модели глобальной экономики и основанного на ней ге-

гемонистского мирового порядка. Резкое и углубляющееся неравенство в рыночном обмене между странами центра и периферии вынуждает экономически более слабые государства мира воздвигать на своих границах протекционистские барьеры, создавать торговые и военно-политические блоки. Несправедливый характер нынешней глобализации объясняет жёсткость пограничной политики многих стран периферии и полупериферии, нацеленной на защиту их внутренних рынков, населения и, в конечном счёте, независимости («экономический национализм»). Полноценное развитие интеграционных процессов и стирание национальных границ, с позиции мирсистемного подхода, возможны лишь при построении социалистической экономики и демократизации органов глобального управления под эгидой ООН.

Индивидуоцентрические подходы. Антропологический поворот в философии первой половины XX в., а затем начавшийся постиндустриальный переход, с 1970-х гг. повлекли за собой распространение в научном сообществе индивидуоцентрического мировоззрения. Имеющий довольно древнее происхождение, но непосредственно опирающийся на постпозитивизм и постструктурализм, вдохновляемый идеями современных анархистов и «новых левых», научный индивидуоцентризм ставит в центр картины мира человека, индивидуального субъекта, делает его сознание, волю главным источником (и принципом объяснения) изучаемой реальности. С 1980-х гг. основанные на этом мировоззрении подходы стали проникать в исследования границ и пограничной политики [31, p. 40–42].

В литературе по исследованиям границ упоминается о целом ряде появившихся в последние десятилетия подходов, которые могут быть отнесены к категории индивидуоцентрических. Их продолжающий пополняться и потому заведомо не исчерпывающий перечень включает конструктивистский, постмодернистский, антропологический (этнографический), интерпретативный, биополитический, прагматический и критический подходы [5; 20; 39]. Однако при более внимательном взгляде и, особенно, при сравнении с подходами, рассмотренными выше, это разнообразие оказывается скорее номинальным. Названные индивидуоцентрические подходы характеризуются высокой степенью единства не только онтологических оснований, но также предметной направленности, понятийного языка и проблематики. Все эти подходы изучают социальные границы сквозь призму таких общих категорий как «идентичность» и «политика идентичности» [20; 24; 39]. Различия между ними состоят в сфокусированности на разных типах идентичности или различных формах её существования. Так, биополитический подход направлен, прежде всего, на изучение телесно, психофизиологически выражаемых идентичностей (индивидуальность, гендерная, сексуальная, расовая идентичность), антропологический подход сосредоточен на этнических и других социокультурных групповых идентичностях, а постмодернистский и конструктивистский подходы ассоциируются с исследованиями, главным образом, принадлежности к таким социополитическим общностям как нации и государства. В свою очередь, различие прагматического и критического (и тесно связанного с последним интерпретативного) подходов заключается в том, что первый фиксирует формирование и динамику идентичности на уровне поведения, практик её носителей, тогда как второй – на уровне сознания и его знаково-символических объективаций. Необходимо отметить, что предложенный вариант дифференциации индивидуоцентрических подходов весьма условен. Границы этих подходов крайне размыты, что является следствием не только их молодости и содержательной неразработанности, но и общих для них антиэссенциалистских и антирационалистических установок.

Среди всех индивидоцентрических подходов самую долгую историю развития и, соответственно, наиболее высокий уровень внутренней разработанности имеют конструктивистский и постмодернистский. Различные по происхождению (корни первого лежат в феноменологии и феноменологической социологии, а второго – в постструктурализме) и длительное время развивавшиеся самостоятельно, к настоящему моменту они слились практически воедино. Это связано с произошедшим в конце XX в. разделением конструктивизма на умеренный¹ и радикальный [38, р. 1–2]. Общие мировоззренческие основы, сходство большинства положений и взаимодополнительность радикального конструктивизма и постмодернизма привели, по сути, к поглощению первого вторым. Исходя из этого, далее я буду рассматривать их как единый подход под общим наименованием – «постмодернистский».

Как и все индивидоцентрические подходы, постмодернистский подход включает пограничную политику в такую более общую категорию как «политика идентичности» (варианты: «политика различия», «онтологическая политика»). При этом под политикой идентичности понимается любая активность (мышление и поведение), направленная на определение некоторым субъектом себя и других, и упорядочение тем самым всей воспринимаемой им реальности. Важнейшим средством этого определения и упорядочения выступает создание и воспроизводство границ. Субъектами понимаемой таким образом пограничной политики являются не только и не столько государства, сколько негосударственные акторы и, в первую очередь, индивид, гражданин². Непрерывно конструируя и реконструируя в собственном сознании и практиках с помощью знаков, символов, дискурсов и разного рода нарративов всевозможные границы, индивиды, с одной стороны, самоидентифицируются, а с другой, создают, воспроизводят или разрушают социальные общности – от семей, родственных или соседских сообществ до наций и наднациональных объединений [24; 34]. Представление исследователей-постмодернистов о происходящей трансформации пограничной политики лаконично, но достаточно ясно выражают две популярные среди них сентенции: «все есть политика» (Ж. Делез) и «границы повсюду» (Э. Балибар).

Процессы глобальной ребарьеризации, развернувшиеся с начала 2000-х гг., заставили постмодернистов в большинстве своём признать, что государства, обладающие мощными инструментами «пространственной социализации» граждан, остаются ведущими субъектами пограничной политики, а также то, что последняя все ещё во многом зависит от территориальных и исторических, т.е. объективных, факторов [20, р. 11–12; 34, р. 4, 17]. Однако, так или иначе, перспективы будущего развития пограничной политики, сторонники этого подхода связывают с её неизбежной децентрализацией, с нарастающим умножением и релятивизацией социальных границ, постоянно изменяемых в игре свободных самоопределений «граждан мира».

Полицентрические подходы. В начале 2000-х гг. методология исследований границ и пограничной политики пережила очередное обновление. Во многом, его можно считать отголоском фундаментальных эпистемологических сдвигов общенаучного масштаба – т.н. постнеклассической революции, начавшейся в естествознании и, прежде всего, в синергетике. Важнейшим содержанием этой революции стала быстрая экспансия в науке полицентрического мировоззрения, трактующего ре-

¹ Он был усвоен, как уже указывалось, современными натуро- и социоцентрическими подходами.

² С этим связано предпочтение постмодернистами терминов “border politics” и “borderwork” термину “border policy”.

альность как процесс взаимодействия множества самодовлеющих, взаимно нередуцируемых систем различного типа.

Внедрение в исследования границ полицентрических идей и, прежде всего, представления о комплексности (многослойности) и множественной обусловленности социальных границ пока только разворачивается, и возникающие на этой основе подходы не отличаются зрелостью. Тем не менее, можно указать на ряд предпринятых в этом русле интересных попыток построения новой методологии объяснения пограничной политики. К ним, в частности, можно отнести намеченный первоначально Х. ван Хоутумом подход «политика-восприятие-практика» (ПВП-подход) [5; 26], синтезирующий некоторые положения постмодернистского и неофункционального подходов. Другим примером может служить т.н. «миросистемно-идентичностный» подход [5; 37], который соединяет в объяснении пограничной политики её постмодернистскую и неомарксистскую интерпретации.

Таким образом, общим для указанных примеров является стремление построить полицентрическую методологию изучения пограничной политики за счёт «внутренних ресурсов» исследований границ, путём комбинирования ранее уже применявшихся в них подходов. На этом фоне более перспективным мне представляется ещё один формирующийся в настоящее время подход – системно-теоретический (метасистемный) – особенностью которого является опора на концепцию общесоциогуманитарного уровня – теорию социальных систем Н. Лумана [7].

Предметом системно-теоретического подхода выступает метасистемная пограничная политика¹. В отличие от односторонней, моносистемной политики, метасистемная политика управления формированием и функционированием границы проводится в общих многосторонних интересах всех систем, составляющих данную метасистему. Потребность в метасистемной пограничной политике обусловлена объективным усилением связности современного мира, ростом взаимозависимости систем разного типа (природных, психологических и социальных) и разного уровня (от локального до глобального). В этих условиях метасистемная политика должна сбалансировано решать противоречивые задачи обеспечения взаимопроникновения и оперативной закрытости различных систем² [7, с. 32–33, 285–336]. Например, в процессе управления трансграничным регионом (как метасистемой) метасистемная политика призвана реализовать оптимальное соотношение взаимопроникновения/оперативной закрытости (контактности/барьерности) как на границах входящих в него систем одного типа (административные единицы разных государств), так и на границах между системами разных типов (административные единицы – население (индивиды) – экосистемы).

Таким образом, системно-теоретический подход существенно расширяет круг изучаемых условий и факторов пограничной политики, решающую роль среди которых, в зависимости от типа и уровня границы и конкретной ситуации, могут играть и природные ландшафты, и индивидуальные идентичности, и разного рода социальные структуры. Значительно более сложным становится и представление о субъектах пограничной политики: функционирование метасистемного центра управления границами (метасистемного наблюдателя) возможно лишь во взаимодействии с субцентрами (системными наблюдателями), управляющими отдельными системами и их границами. Однако наиболее сложной, важнейшей проблемой системно-теоретического подхода явля-

¹ По содержанию к нему близко понятие «трансграничная политика».

² Другими формами выражения противоречивости этих задач являются дилеммы интеграции и дезинтеграции, глобализации и локализации, развития и безопасности, объективной необходимости и свободы самоопределения.

ется раскрытие самого механизма взаимодействия компонентов метасистемы, способа взаимного перевода языков самоописания разнотипных систем и их границ (различий) [27] и генерализации их самоописаний (и саморазличений-разграничений) на метасистемном уровне.

Несмотря на то, что системно-теоретический подход в настоящее время состоит в большей мере из весьма абстрактных вопросов, чем из достаточно определённых, а тем более прикладных, ответов, его потенциал в изучении и проектировании пограничной политики исключительно велик. В немалой степени это связано с его способностью координировать применение других подходов, аккумулируя их возможности и выходя на недоступный им уровень обобщений. Переход системно-теоретического подхода в анализе и проектировании пограничной политики от её системного к метасистемному масштабу может существенно повысить многостороннюю эффективность регулирования трансграничных отношений.

Впрочем, сказанное не означает, что появление системно-теоретического подхода лишает более ранние и частные подходы актуальности, «снимает» их противоречия в некоем новом методологическом единстве. Как уже отмечалось, эволюция методов изучения и проектирования пограничной политики вовсе не похожа на линейный прогресс, в котором каждая следующая стадия упраздняет предыдущую. Судя по всему, все подходы, рассматриваемые в этой статье, в обозримом будущем останутся в арсенале исследований границ. Залогом их сохранения и сосуществования является огромное типологическое разнообразие современных границ и пограничных политик, со специализированным изучением которых никакой один научный подход (в т.ч. системно-теоретический) справиться не в состоянии.

Литература

1. Абрамов В.А. Глобализующийся Китай: грани социокультурного измерения. М.: Восточная книга, 2010. 240 с.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века/Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004. 368 с.
3. Желтов В.В. Границы в условиях глобализации (геополитический аспект) // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Науч. ред. А.Б. Волыничук. Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. С. 34 – 65.
4. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М., 2001. 479 с.
5. Колосов В.А. Теоретическая лимнология: новые подходы // Международные процессы. 2003. № 3 (сентябрь–декабрь). С. 44 – 59.
6. Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 7 – 19.
7. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 644 с.
8. Макарычев А.С. Регионостроительство: концептуальные контексты // Казанский центр федерализма и публичной политики. 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazanfed.ru/actions/konfer3/doklad8/> (дата обращения: 8.07. 2016 г.).

9. Нестерова И.Е. Межгосударственное взаимодействие по проблеме трансграничных рек в контексте глобального управления. Автореферат дисс... кандидата политических наук. СПб., 2013.

10. Основы регионоведения. / Под ред. И.Н. Барыгина. М.: Гардарики, 2007. 399 с.

11. Прозрачные границы. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. М. – Волгоград, 2002 // Научно-образовательный форум по международным отношениям: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obraforum.ru/book/chapter1.htm> (дата обращения: 19.02. 2015 г.).

12. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2006. 590 с.

13. Шумов В.В. Системный подход к моделированию пограничной безопасности // NB: Национальная безопасность. 2013. № 5. С.39–66. DOI: 10.7256/2306-0417.2013.5.10043. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_10043.html (дата обращения: 9.07. 2016 г.).

14. Advances in International Environmental Politics. Ed. by Michele M. Betsill, Kathryn Hochstetler and Dimitris Stevis., 2nd edition [internet]. Basingstoke: Palgrave Macmillan; July 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.palgraveconnect.com/pc/doifinder/10.1057/9781137338976.0007> (дата обращения: 9.07.2016 г.).

15. Buzan B., Weaver O., and Wilde J. de. Security: a new framework for analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998.

16. Buzan B., Weaver O. Regions and Powers. The structure of international security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

17. Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1983.

18. Cox R.W., with M.G. Schechter. The Political Economy of a Plural World: Critical Reflections on Power, Morals and Civilization. New York: Routledge, 2002.

19. Donzelli S. Border Studies. ISS Working Paper Series / General Series. 2013. Vol. 571. [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/1765/50160>. (дата обращения: 3.07. 2016 г.).

20. EUBORDERSCAPES State of the Debate Report I. 2012. Ed. by V. Kolossov. [Электронный ресурс]. URL: http://www.euborderscapes.eu/fileadmin/user_upload/EUBORDERSCAPES_State_of_Debate_Report_1.pdf (дата обращения: 1.07. 2016 г.).

21. Golunov S. Practical Relevance as an Issue for Contemporary Border Studies // Russian sociological review. 2014. Vol. 13. No 4. P. 60–79.

22. Haddal C.C. People Crossing Borders: An Analysis of US Border Protection Policies. Washington, DC: Congressional Research Service, 2010. [Электронный ресурс]. URL: www.fas.org/sgp/crs/homsec/R41237.pdf. (дата обращения: 4.07. 2016 г.).

23. Hooghe L. and Marks G. Multi-Level Governance and European Integration. New York: Rowan and Littlefield, 2001.

24. Houtum H. van. The Geopolitics of Borders and Boundaries // Geopolitics. 2005. Vol. 10. No 4. P. 672–679.

25. Houtum H. van. An overview of European geographical research on borders and border regions // Journal of Borderlands Studies. 2000. Vol. 15. No 1. P. 57–83.

26. Houtum H. van. Internationalisation and Mental borders // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie (TESG). 1999. August. P. 329–335.

27. Jacobs J. and Assche K. van. Understanding Empirical Boundaries: A Systems-Theoretical Avenue in Border Studies // Geopolitics. 2014. vol. 19. No 1. P. 182 – 205. DOI: 10.1080/14650045.2013.830106

28. Keohane R.O. and Joseph S. Nye (J.). Transnational Relations and World Politics. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1972.

29. Keohane R.O. Power and Governance in a Partially Globalized World. London; New York: Routledge, 2002.

30. Laine J.P. A historical view on the study of borders // Introduction to Border Studies. Ed. by S.V. Sevastianov, J.P. Laine, and A.A. Kireev, Vladivostok: Dalnauka, 2015. P. 33–59.
31. Laine J.P. Understanding Borders: Potentials and Challenges of Evolving Border Concepts // Borders and Transborder Processes in Eurasia. Ed. by Sergei V. Sevastianov, Paul Richardson, and Anton A. Kireev. Vladivostok: Dalnauka, 2013. P. 30–44.
32. Newman D. Borders and Bordering. Towards an Interdisciplinary Dialogue // European Journal of Social Theory. 2006. Vol. 9. No 2. P. 171–186.
33. Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester: John Wiley & Sons. 1996.
34. Paasi A. The shifting landscape of border studies and the challenge of relational thinking // The New European Frontiers: Social and Spatial (Re)integration Issues in Multicultural and Border Regions. Ed. by Bufon, Milan et al. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 361–379.
35. Perkmann M. Building governance institutions across European borders // Regional Studies. 1999. Vol. 33 (7). P. 657–667.
36. Ratzel F. Politische Geographie. München und Leipzig: R. Oldenbourg, 1897.
37. Taylor P.J. and Flint C. Political geography, world-economy, nation-state and locality. Harlow: Prentice Hall (Longman), 2000.
38. Wendt A. Social Theory of International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
39. Wilson T.M. and Donnan H. Borders and Border Studies // A Companion to Border Studies. Ed. by Thomas M. Wilson and Hastings Donnan. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 1–25.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abramov V.A. Globalizuyushhiysya Kitaj: grani sotsiokul'turnogo izmereniya. M.: Vostochnaya kniga, 2010. 240 s.
2. Vallerstajin I. Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka/Per. s angl. pod red. V.I. Inozemtseva. M.: Logos, 2004. 368 c.
3. ZHeltov V.V. Granitsy v usloviyakh globalizatsii (geopoliticheskij aspekt) // Geopoliticheskij potentsial transgranichnogo sotrudnichestva stran Aziatsko-Tikhokeanskogo regiona / Nauch. red. A.B. Volynchuk. Vladivostok: Dal'nauka; Izd-vo VGUEHS, 2010. S. 34 – 65.
4. Kolosov V.A., Mironenko N.S. Geopolitika i politicheskaya geografiya. M., 2001. 479 c.
5. Kolosov V.A. Teoreticheskaya limologiya: novye podkhody // Mezhdunarodnye protsessy. 2003. № 3 (sentyabr'–dekabr'). S. 44 – 59.
6. Lukin A.L. Teoriya kompleksov regional'noj bezopasnosti i Vostochnaya Aziya // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2011. № 2. S. 7 – 19.
7. Luman N. Sotsial'nye sistemy. Oчерk obshhej teorii. SPb.: Nauka, 2007. 644 s.
8. Makarychev A.S. Regionostroitel'stvo: kontseptual'nye konteksty // Kazanskij tsentr federalizma i publichnoj politiki. 2002. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.kazanfed.ru/actions/konfer3/doklad8/> (data obrashheniya: 8.07. 2016 g.).
9. Nesterova I.E. Mezhgosudarstvennoe vzaimodejstvie po probleme transgranichnykh rek v kontekste global'nogo upravleniya. Avtoreferat diss... kandidata politicheskikh nauk. SPb., 2013.
10. Osnovy regionovedeniya. / Pod red. I.N. Barygina. M.: Gardariki, 2007. 399 c.
11. Prozrachnye granitsy. Bezopasnost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v poyase novykh granits Rossii / Pod red. L.B. Vardomskogo i S.V. Golunova. M. – Volgograd, 2002 // Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym

otnosheniyam: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.obraforum.ru/book/chapter1.htm> (data obrashheniya: 19.02. 2015 g.).

12. TSyngankov P.A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij. M.: Gardariki, 2006. 590 s.

13. SHumov V.V. Sistemnyj podkhod k modelirovaniyu pogranichnoj bezopasnosti // NB: Natsional'naya bezopasnost'. 2013. № 5. S.39–66. DOI: 10.7256/2306-0417.2013.5.10043. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_10043.html (data obrashheniya: 9.07. 2016 g.).

14. Advances in International Environmental Politics. Ed. by Michele M. Betsill, Kathryn Hochstetler and Dimitris Stevis., 2nd edition [internet]. Basingstoke: Palgrave Macmillan; July 2014. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.palgraveconnect.com/pc/doifinder/10.1057/9781137338976.0007> (data obrashheniya: 9.07.2016 g.).

15. Buzan B., Weaver O., and Wilde J. de. Security: a new framework for analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998.

16. Buzan B., Weaver O. Regions and Powers. The structure of international security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

17. Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1983.

18. Cox R.W., with M.G. Schechter. The Political Economy of a Plural World: Critical Reflections on Power, Morals and Civilization. New York: Routledge, 2002.

19. Donzelli S. Border Studies. ISS Working Paper Series / General Series. 2013. Vol. 571. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://hdl.handle.net/1765/50160>. (data obrashheniya: 3.07. 2016 g.).

20. EUBORDERSCAPES State of the Debate Report I. 2012. Ed. by V. Kolosov. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.euborderscapes.eu/fileadmin/user_upload/EUBORDERSCAPES_State_of_Debate_Report_1.pdf (data obrashheniya: 1.07. 2016 g.).

21. Golunov S. Practical Relevance as an Issue for Contemporary Border Studies // Russian sociological review. 2014. Vol. 13. No 4. P. 60–79.

22. Haddad C.C. People Crossing Borders: An Analysis of US Border Protection Policies. Washington, DC: Congressional Research Service, 2010. [EHlektronnyj resurs]. URL: www.fas.org/sgp/crs/homesecc/R41237.pdf. (data obrashheniya: 4.07. 2016 g.).

23. Hooghe L. and Marks G. Multi-Level Governance and European Integration. New York: Rowan and Littlefield, 2001.

24. Houtum H. van. The Geopolitics of Borders and Boundaries // Geopolitics. 2005. Vol. 10. No 4. P. 672–679.

25. Houtum H. van. An overview of European geographical research on borders and border regions // Journal of Borderlands Studies. 2000. Vol. 15. No 1. P. 57–83.

26. Houtum H. van. Internationalisation and Mental borders // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie (TESG). 1999. August. P. 329–335.

27. Jacobs J. and Assche K. van. Understanding Empirical Boundaries: A Systems-Theoretical Avenue in Border Studies // Geopolitics. 2014. vol. 19. No 1. P. 182 – 205. DOI: 10.1080/14650045.2013.830106

28. Keohane R.O. and Joseph S. Nye (J.). Transnational Relations and World Politics. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1972.

29. Keohane R.O. Power and Governance in a Partially Globalized World. London; New York: Routledge, 2002.

30. Laine J.P. A historical view on the study of borders // Introduction to Border Studies. Ed. by S.V. Sevastianov, J.P. Laine, and A.A. Kireev, Vladivostok: Dalnauka, 2015. P. 33–59.

31. Laine J.P. Understanding Borders: Potentials and Challenges of Evolving Border Concepts // Borders and Transborder Processes in Eurasia. Ed. by Sergei V. Sevastianov, Paul Richardson, and Anton A. Kireev. Vladivostok: Dalnauka, 2013. P. 30–44.

32. Newman D. Borders and Bordering. Towards an Interdisciplinary Dialogue // *European Journal of Social Theory*. 2006. Vol. 9. No 2. P. 171–186.
33. Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester: John Wiley & Sons. 1996.
34. Paasi A. The shifting landscape of border studies and the challenge of relational thinking // *The New European Frontiers: Social and Spatial (Re) integration Issues in Multicultural and Border Regions*. Ed. by Bufon, Milan et al. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 361–379.
35. Perkmann M. Building governance institutions across European borders // *Regional Studies*. 1999. Vol. 33 (7). P. 657–667.
36. Ratzel F. *Politische Geographie*. München und Leipzig: R. Oldenbourg, 1897.
37. Taylor P.J. and Flint C. *Political geography, world-economy, nation-state and locality*. Harlow: Prentice Hall (Longman), 2000.
38. Wendt A. *Social Theory of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
39. Wilson T.M. and Donnan H. *Borders and Border Studies // A Companion to Border Studies*. Ed. by Thomas M. Wilson and Hastings Donnan. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 1–25.